

Глава 6

****Старый дом на склоне горы****

Третья тётушка поставила чайник на землю и, с сомнением оглядывая Су Лина, заговорила:

— Твоя тётушка Юань говорила, что ты в сердцах вернулся в старый дом. Тут ведь сто лет никто не жил, всё кругом диким лесом поросло. Я побоялась, что тебе и перекусить-то будет нечего.

Она вытерла руки о фартук и добавила:

— Я только-только с гор вернулась, маис собирала, дома ещё и печь не топила. Из еды только вот — Паопаоми. Ты уж не обессудь, что угощение небогатое.

Паопаоми был для крестьянских семей незаменимым подспорьем. В разгар полевых работ, когда на готовку не оставалось ни сил, ни времени, горсть обжаренного воздушного риса просто заливали кипятком. Такой нехитрый обед позволял быстро утолить голод и заменить полноценный прием пищи.

— Ну что вы, тётушка, спасибо вам большое, — Су Лин, хоть и умирал от голода, чувствовал неловкость, принимая еду просто так. — Вот поправлюсь немного и обязательно помогу вам на поле с маисом.

Услышав это, женщина отбросила последние сомнения и весело рассмеялась:

— Ой, да зачем же тебе, дитя, в поле-то спину гнуть? Ты к крестьянскому труду не приучен, только маис попортишь.

В деревне Уси соседи привыкли делиться друг с другом, и если не считать нескольких нелюдимых дворов, все жили в ладу. Глядя на бледное, почти прозрачное лицо племянника, Третья тётушка снова тяжело вздохнула:

— Если бы Ши Младшенький увидел тебя в таком виде...

Заметив, как юноша опустил голову, она тут же осеклась. Как раз к этому времени рис достаточно разбух. Стоило горячей воде коснуться зёрен, как они мгновенно впитали влагу, наполнив чашку густым ароматом.

— Ешь скорее, пока горячее.

От одного только запаха у Су Лина свело желудок. Зёрна были слегка покрыты сахарной глазурью, и этот сладкий аромат, смешиваясь с запахом жареного риса, казался невероятно соблазнительным. Тепло, исходившее от чашки, будто заранее согрело его измученное тело. Приняв чашу и взяв деревянную ложку, юноша принялся за еду.

Паопаоми после замачивания стал мягким и нежным. Обычно деревенские жители просто выпивали его залпом прямо через край, ведь в страду каждая минута была на счету. Но Су Лин, не привыкший к спешке, ел медленно, смакуя каждую ложку.

— Очень вкусно, спасибо вам.

Его вежливая благодарность заставила женщину даже немного смутиться. В деревне поговаривали, будто Братец Лин дурно воспитан и несдержан на язык, но теперь, пообщавшись с ним лично, она видела перед собой лишь рассудительного юношу. Было в нём нечто такое, чего не встретишь у местных детей: изящество и чистота, которые невольно вызывали симпатию. Будь у неё деньги, она бы и своего ребёнка хотела вырастить таким.

— Не стоит благодарностей. Если разобраться, не будь твоего отца, мой муж, может, и до сей поры не дожил бы. Деревенские ведь как — пока чуть-чуть болит, терпят, а как прижмёт — только смерти и ждут. В городе лечиться слишком дорого. Но Ши Синсянь всегда сам предлагал помощь, денег никогда не просил — разве что курицу возьмёт, и то для порядка.

Она присела на край ступеньки, предаваясь воспоминаниям.

— Почти каждый в нашей деревне обязан твоему отцу жизнью или здоровьем. Он за лечение брал когда яйцами, когда сушёными овощами. Самый справный гусь стоит медяков сорок, а в городе за один только приём и лекарства меньше сотни не возьмут, да ещё и неизвестно, помогут ли. Твой родитель был настоящим праведником, живым Буддой.

Су Лин слушал её очень внимательно, не пропуская ни слова. Он вспомнил, как Ши Синсянь иногда возвращался из деревни с дичью или свежей зеленью, всегда приговаривая, что это подарки от родни.

«А я-то всегда думал, что это гостинцы от семьи Старшего Ши...»

В детстве двоюродные братья и сёстры постоянно отбирали у него вещи, но он терпел и уступал, видя, как добр к нему дядя Ши Синчжу. Однако со временем ссоры стали слишком частыми, и Су Лин перестал стремиться в деревню. Теперь же, когда близкого человека не стало, все маски были сорваны, обнажив уродливую правду.

— Тётушка, а расскажите мне ещё об отце, — попросил Су Лин.

Раз уж он решил обосноваться здесь, нужно было до конца разобраться во всех старых обидах и

долгах.

— Твой отец... он с детства был мягким и добрым. Твой дед ушёл рано, бабушка вечно пропадала в поле, так что воспитывали его старший брат да сёстры. Когда пришло время делить наследство, мой отец был свидетелем. Вернулся он тогда сам не свой, всё ворчал, что никогда не видел, чтобы так обделяли младшего сына. Твоему старшему дяде досталось тридцать му террасных полей и десять му суши. Даже сёстрам, что за реку замуж вышли, выделили участки. А твоему отцу дали всего пять му заливных полей, да и те — на песчаных склонах.

Третья тётушка покачала головой.

— Но Ши Синсянь не сдался. Выучился врачеванию у одного старого отшельника и начал ходить по деревням с колокольчиком на поясе, скупать травы да лечить людей. А потом и вовсе в городе аптеку открыл на три лавки. Эх, кто же знал, что всё так внезапно оборвётся...

При этих словах на глазах женщины заблестели слёзы. Су Лину тоже стало не по себе. Опустившиеся сумерки скрыли влагу в его глазах, а сам он забился в тень под навесом, пряча лицо.

Аптека «Ши Цзи» в городе Цинши проработала несколько лет. Цены там всегда были низкими, а качество трав — безупречным. Лекарь честно платил сборщикам из числа крестьян, и дела, казалось, шли в гору. Но Су Лин видел бухгалтерские книги: заведение едва держалось на плаву. Огромные суммы проходили через лавку, но в кошельке почти ничего не оставалось.

Аренда стоила три лян в месяц, жалованье опытному доктору — пять лян, помощнику — ещё один. После уплаты всех налогов, включая торговый и лесной сборы, чистой прибыли оставалось не больше двадцати лян в квартал. Но самым страшным были не официальные подати. Чиновники из ведомства каждый сезон забирали самые ценные травы «для нужд управы», а городские кланы требовали подношений на каждое торжество. Эти расходы и тянули дело ко дну.

В последние годы отец и вовсе перестал закупать дорогие снадобья, а если и попадалось что-то редкое, оставлял для сына. Приходящие за данью стражники, не найдя ничего ценного, осыпали его бранью. Однажды Су Лин случайно услышал, как старый лекарь советовал Ши Синсяню не быть таким упрямым и вести дела как все — мешать настоящие травы с дешёвой заменой и продавать их втридорога. Но тот ответил резко: нельзя наживаться на чужой жизни.

И вот этот добрый человек погиб на горной дороге под обвалом. Су Лин держался из последних сил до самых похорон, а после свалился с лихорадкой и пролежал в беспамятстве полмесяца. Когда он пришёл в себя, Старший Ши объявил, что аптека закрыта: после уплаты всех долгов и налогов денег на счету не осталось, и пришлось распродать остатки трав за бесценок, чтобы только расплатиться с работниками.

Тогда юноша, оглушённый горем, верил каждому слову дяди. Теперь же он понимал — его

просто обманули. Даже если денег было немного, на плаву аптека держаться могла. Но Су Лин не хотел возвращаться к торговле. Без отца это дело потеряло смысл, а терпеть унижения от чиновников и знатных семей у него не было ни малейшего желания.

Заметив, что её рассказ расстроил племянника, Третья тётушка вытерла глаза рукавом.

— Ладно, заболталась я, а мне ещё свиней кормить.

Она поднялась и бросила взгляд на тёмные окна ветхого дома. Ей стало по-настоящему жаль сироту.

— Ты уж не сердись, что лезу не в своё дело, но мой тебе совет: не спеши окончательно рвать с Юань Цзинцуй. Здесь, в старом доме, совсем ничего нет. На что ты жить-то собираешься?

Юноша послушно кивнул, хотя одно упоминание имени Берни вызывало у него приступ ярости.

— Чайник и рис оставь себе, там ещё на пару дней хватит.

— Хорошо, я потом обязательно всё верну.

Су Лин проводил её до ворот. Отойдя на несколько шагов, гостью обернулась:

— А Лин, если что понадобится — сразу иди ко мне.

Она ласково улыбнулась, глядя на его чистое, красивое лицо.

— Ты ведь, когда маленьким был, я тебя своим молоком подкармливала. Так что не чужие мы, не стесняйся.

Заходящее солнце окрасило лицо Третьей тётушки мягким медным светом, и от этой бесхитростной доброты у Су Лина защемило в груди. Он сглотнул подступивший к горлу ком и кивнул:

— Хорошо, тётушка.

Только тогда она ушла. Её фигура постепенно уменьшалась, петляя между межами полей, пока не скрылась в одном из деревянных домиков, над которым вился дымок. Теперь Су Лин знал, где она живёт.

Солнце, догорая, подожгло край леса на склоне горы. Цикады в зарослях запели ленивее, словно готовясь ко сну. Су Лин посмотрел на противоположный склон — там уже начали

сгущаться сумерки, окутывая лес чёрным туманом. Он перевёл взгляд на бамбуковую рощу за домом: тени от деревьев тревожно метались, сплетаясь в причудливые узоры, и от этого зрелища по спине пробежал холодок.

Его «два ляна серебра» сбежали. Перспектива провести ночь в одиночестве в этом заброшенном доме внезапно наполнила его сердце первобытным страхом.

«Надо было слушать того торговца и сразу посадить его на цепь... Тогда бы этот раб никуда не делся»

<http://bllate.org/book/15320/1354522>